

УПОМИНАНИЯ О ХРИСТИАНАХ И ПОГАНЫХ ВО МНОЖЕСТВЕННОМ ЧИСЛЕ В МАТЕРИАЛАХ КИЕВСКОГО ЛЕТОПИСНОГО СВОДА 1198 года ПО ИПАТЬЕВСКОЙ ЛЕТОПИСИ

В. И. Панова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 17 декабря 2013 г.

Аннотация: статья посвящена текстологическому анализу упоминаний о христианах и поганах во множественном числе в Русской земле в XII в. по материалам Киевского свода 1198 г. На конкретных примерах доказывается, что изученные слова и словосочетания не имеют этнического содержания, а являются обозначением конфессионального состояния народонаселения Руси в XII в. и ее соседей. Показывается, что нельзя ставить и изучать научную проблему на основании слов вне сравнительно-текстологического исследования текста источника в целом. Главной идеей упоминаний о христианах и язычниках является забота о сохранении достижений христианизации Русской земли, начавшейся при Владимире Святославиче, и о предотвращении физической гибели христиан.

Ключевые слова: христиане, поганы, кровь христианская, Русская земля, Киевский свод 1198 г.

Abstract: the article is devoted to the textual analysis of references to Christians and pagans in the plural form in the Russian land in the 12th century found in the Kievan Compiled Chronicle of 1198. Based on specific examples it is proven that the studied words and phrases have no ethnic content and refer to the confessional status of the population in Russia and its neighbors in the 12th century. It is shown that it is impossible to formulate and study the issue on the basis of the words without the comparative study of the textual source as a whole. The main idea of the references to Christians and pagans is a concern for preserving the achievements of the Christianization of the Russian land which began under Vladimir Svyatoslavich, and the prevention of physical death of Christians.

Key words: Christians, pagans, Christian blood, Russian land, Kievan Compiled Chronicle of 1198.

В материалах Киевского свода 1198 г. по ИЛ часто встречаются упоминания о христианах во множественном числе. Это «хр^стъныи», «хр^стънѣ», «въ хр^стъныи», «хр^стъныи», «съ хр^стъныи», «крови хр^стънѣски», «хр^стъ», «хр^стънѣски», «хр^стъныи», «всакому хр^стънѣну», «хр^стъни», «хр^стънѣ», «до всего хр^стънѣства», «хр^стънѣство», «хр^стъны», «вси хр^стъномъ», «хр^стъни», «хр^стъно», «молитву хр^стънѣскоу», «хр^стънѣскаи молитва», «хр^стъни», «хр^стънѣ», «на хр^стъныи», «хр^стънѣски», «дшѣ хр^стънѣхъ», «за хр^стъныи», «хр^стъномъ», «хр^стъни», «роду хр^стънѣскому», «хр^стъныи», «кр^стънѣской крови», «кр^стънѣ», «въ землѣ хр^стънѣскаи», «хр^стъныи», «крови хр^стънѣскои», «кр^стънѣ» [1, стб. 323, 331, 364–366, 373, 380, 387, 391–392, 419, 429–431, 444, 453, 460, 478, 500, 531–532, 538–541, 545, 551–554, 559–561, 565–566, 569, 574, 591, 605, 610–612, 623, 632, 642–643, 648–649, 681, 684, 700]. Всего 23 погодных упоминания (6654, 2; 6656, 4; 6657, 5; 6659, 7; 6660, 2; 6663, 1; 6667, 1; 6676, 1; 6678, 4; 6679, 1; 6680, 4; 6681, 4; 6682,

2; 6683, 3; 6685, 2; 6686, 5; 6688, 1; 6691, 1; 6693, 5; 6702, 2; 6703, 1; 6704, 1). В ряде погодных статей встречается по несколько упоминаний, в результате чего самих упоминаний насчитывается 59.

В современной исследовательской литературе приведенные из Киевского свода 1198 г. примеры упоминаний о христианах (крестьянах) во множественном числе иногда приводятся как одно из доказательств того, что это наименование в качестве этнонимов или политонимов начинает употребляться в Русской земле уже с XII в. и ранее. На материалах Киевского свода 1198 г. этот вопрос специально рассматривает в своей статье А. В. Лаушкин и приходит к выводу о том, что понятие «христиане» («крестьяне») с этих времен постепенно закрепляется «за основной массой русского населения и, видимо, входит в таком качестве в широкий обиход (сохраняясь в русском языке до сегодняшнего дня для обозначения сельских жителей, занятых в аграрном производстве)» [2, с. 29–65]. Думается, что такой вывод требует более тщательного текстологического анализа источника.

Во-первых, наименование «крестьяне», как синоним наименованию «христиане», из древнейших списков ИЛ встречается только в Ипатьевском списке. Хлебниковский список слова «крестьяне» не знает [см. варианты Хлебниковского списка в подстрочном комментарии на каждое упоминание слов «христиане (крестьяне)» в Ипатьевском списке ИЛ издания 1908 г.]. А. В. Лаушкин, изучая интересующую тему по Киевскому своду 1198 г., не замечает эту особенность текста источника. Исследователь часто использует слово «крестьяне» применительно к XII в. Между тем наименование «крестьяне», как синоним наименованию «христиане», в Ипатьевском списке ИЛ является результатом редакторской правки текста на одном из этапов его более позднего редактирования.

Во-вторых, ни в Ипатьевском списке, ни в Хлебниковском списке ИЛ христиане среди сельских жителей Руси в XII в. неизвестны. Материалы Киевского летописного свода 1198 г. позволяют условно разделить упоминания о селах на две группы сельских населенных пунктов: 1) села, принадлежащие русским князьям, например, черниговскому князю Игорю Ольговичу или дорогобужскому князю Владимиру Андреевичу и 2) села, никому не принадлежавшие, но находящиеся на территории Русской земли, которую охраняют «хр^стъны на всако лѣто оу вежѣ свои», как и свою отчину и дедину [1, стб. 538]. А. В. Лаушкин неверно переводит эту фразу как «пожалте си о Русской земли и о своей отчине и дедине оже (половцы – А. Л.) несуть хрестьяны на всяко лето оу веже свои» [2, с. 39]. В древнерусском языке слово «вежа» обозначало не только подвижную палатку у кочевых народов, но и башню, род каланчи или помоста, возвышающегося над стеной или валом [3, с. 69, 915–916]. Села в Русской земле в XII в. часто страдали как от набегов половцев, так и от княжеских усобиц. В селах, по выражению сводчика ИЛ, жили люди, челядь, чадь. Здесь разводили лошадей, скот, берегли всевозможные припасы для прокорма домашних животных, запасы для пропитания жителей села, князей и их слуг. Это хорошо видно из записей ИЛ о разграблении сел половцами и враждовавшими друг с другом князьями. Например, в статье под 1135 (6643) г. летописец записал о том, что черниговский князь Всеволод Ольгович, «воююще села и города Переяславской власти», «люди емлюще а другыи сѣкуще» «и плениша же и скота бесчисленное множество» [1, стб. 296]. Или под 1142 (6650) г. летописец рассказал, как Изяслав Мстиславич из Переяславля поехал в Черниговскую землю и «повоевал все села» черниговских князей [1, стб. 311]. Или под 1158 (6666) г.: «Полчане» сожгли села около Турова [1, стб. 491]. Летописец постоянно напоминает о том, что

«пожгоша жита и дворы» в селах, «села пожгоша и угороды вси посѣкоша», «села пожгоша люди повоеваша», «села взаша и пожгоша и люди исѣкоша а жены и дѣти имѣниа взаша и скоты поимаша», «полонѣ ѿмаша дѣста чади», «много людии поимаша», «възаша села безъ оучѣта съ людми и с мужи и с женами и конѣ и скоты и въвѣцѣ погнаша въ Половѣцѣ» и многие другие примеры [1, стб. 309, 328, 331–333, 361, 363, 371, 378, 428, 506, 547, 556, 560, 562–563, 605, 669, 677–678 и др.].

Жители сел в Русской земле в XII в., скорее всего, были в большинстве своем язычниками. Об этом говорит, прежде всего, как сказано выше, полное отсутствие в Киевском своду 1198 г. упоминаний о сельских жителях – христианах. Косвенно эту мысль подтверждают данные Киевского свода 1198 г., в которых не отмечается конфессиональная характеристика захваченных половцами в полон или отполоненных русскими князьями. Из 13 случаев [1, стб. 505–507, 521, 557, 559, 562–563, 565, 569, 608, 623] упоминаний о полоне летописец только один раз сообщает о возвращении отполоненных христиан в результате удачного похода Мстислава Изяславича на половцев в 1152 (6660) г. и в 2 случаях, а именно под 1172 (6680) г. и под 1178 (6686) г., летописец оправдывает военные походы русских князей в земли чуди и болгаров тем, что они захватывали в плен христиан Руси [1, стб. 559, 611]. В остальных случаях он пишет: «много дѣшѣ ѿполониша иже бахуть взали Половци», «люди отполониша своим иже баху Половци поимали», «Половѣцѣ идуща с полономъ», «Половци на Киевскую страну» пришли и «взяли много сел с людьми, и скоты и коньми и поидоша со множеством полона в Половѣцѣ», «полонѣ свои ѿмаша» русские князья у половцев. Разоряя села в земле чуди, новгородцы, по словам летописца, освобождали «Новгородскую землю ѿ поганыхъ». Во время похода на Волжскую Болгарию русские князья «въвѣхаша безъ вѣсти въ поганыи» и взяли села [1, стб. 505, 507, 557, 562, 565–566, 608]. Ссылаясь на рассказы летописца о возвращении отполоненных христиан «во свояси», в том числе и почти сразу после разграбления сел, можно лишь предполагать, что среди освобожденных были и крещеные сельские жители. Сельская местность и во внутренних землях Руси, и в прилегающих к ней землях не связывается летописцем с христианами. В некрологе новгородскому князю Мстиславу Ростиславичу летописец говорит о построении им на захваченных землях чуди мирских церквей и заботе о них, но не сообщает о том, что новгородцы захватывали земли, на которых жили христиане. Летописец не упоминает о сельчанах-христианах и тогда, когда сообщает о построении мирских церквей на землях, прилегающих к Руси, другими князьями Ростислави-

чами. В Киевском своде 1198 г. села XII в. упоминаются как потенциальный источник пополнения городского христианского народонаселения Руси. Летописец сделал уникальные записи формирования княжеской дружины и принятия дружиной, а также домашними слугами князей христианской веры.

Так, под 1150/51 (6658) г. источник передает со слов очевидца события обращение киевского князя Изяслава Мстиславича к своей дружине: «Изяслав же ре дружинѣ свои вы есте по мнѣ из Рускы земли вышли своихъ сель» [1, стб. 409]. Сформировав дружину из сельских жителей, русские князья стремились к тому, чтобы ее воины стали христианами. Это видно из рассказа летописца, записанного под 1123/24 (6631) г. в связи с попыткой Ярослава Святополковича вернуть себе Владимир-Волынский и его гибелью под стенами этого города. Ссылаясь на писание, и тоже от первого лица летописец записал беседу с дружиной Владимира Мономаха некоего человека из окружения князя о гордых и смиренных. На конкретном примере дружине пояснялось то, что Бог помогает христианам. В частности, Бог помог князю Владимиру и его сыновьям Андрею и Мстиславу за их веру в помощь Господа в борьбе с Ярославом, который, в отличие от них, надеялся на силу своих воинов [1, стб. 287–288]. В результате Ярополк погиб от рук вдруг появившихся под стенами города из-за засады вооруженных «ляхов», а киевский князь и его сыновья, не предпринявшие со своей стороны никаких усилий, остались живы и здоровы. Такие беседы и факты из жизни, с ними связанные, имели успех в вопросах христианизации княжеских воинов. Это видно из записи под 1171/72 (6682) г., в которой летописец называет дружину Игоря Святославича христианами: «...дружина же Игорева постигше (половцев – В. П.) ѡнѣхъ избивше и а иныхъ изымаша и тако поможе Бъ хрстіаномъ въ днѣ сѣго прѣрка Ильи» [1, стб. 569]. Отдаленность примеров друг от друга во времени усиливает важность сделанного вывода, свидетельствует о том, что набираемые князьями из сельских жителей-язычников дружинники постепенно превращались в христианское окружение князей.

Особого внимания заслуживает повествование о гибели владимирского князя Андрея Юрьевича, записанное сводчиком ИЛ под 1174/75 (6683) г. Рассказчик осуждает убийц князя, которые не только жестоко расправлялись с ним в момент убийства, но и хотели выбросить тело покойного псам. В ситуацию вмешался «Киининъ» Кузмище, сказавший ключнику Амбалу: «...w еретиче оуже помъ выверечи помнишь ли Жидовине въ которыхъ порьтѣхъ пришель башеть ты нынѣ в оксамитѣ стоиши а князь нагъ лежить». Оплакивая погибшего князя Андрея, Кузмище при-

читал: «...оуже тебе гѣ не паробѣци твои тебе не знаютъ иногда бо аче и гость приходиль изъ Цѣрагорода и ѿ нихъ странѣ изъ Руской земли и аче Латининѣ и до всего хрѣтъиньства и до всеѣхъ погани и реѣ въведе и въ црѣвь и на полати да видать истинное хрѣтъиньство и крѣстатся а Болгарѣ и Жидовѣ и вса погань видивше славу Бїю и оукрашение црѣвьное и тѣ болма плачють по тобѣ» [1, стб. 590–591]. Словами киевлянина, оказавшегося в момент гибели Андрея Юрьевича в Вышгороде, летописец сообщил о тех незатейливых методах, с помощью которых владимирский князь при жизни способствовал расширению и углублению христианизации внутри самой Русской земли, где присутствовало смешение разных этносов и где в плане будущего развития Руси преимущества были на стороне христиан. Осуждая ключника Амбала, Кузмище заставляет его задуматься над тем, кем он был до того как стал служить князю Андрею и кем он стал. Амбал выполнил все требования Кузмищи, связанные с погребением покойного.

А. В. Лаушкин рассматривает конфессионимы «хрѣтъини» и «хрѣтъинны», употребляемые в Киевском своде 1198 г. по ИЛ во множественном числе, без какой-либо их связи с событиями, в контексте которых они записаны. Формально он разделяет их на три группы: 1) слова, использованные летописцем «в чисто религиозном смысле» (15 случаев) [2, с. 38], 2) слова для обозначения русской стороны при противопоставлении ее поганым как оппозиционные стороны по формуле «мы/наши – степняки», что равно «христиане – половцы» в этническом смысле, т.е. «русские – половцы» (23 случая) [2, с. 38–41] и 3) слова для обозначения русских как жителей Русской земли вне противопоставления поганым, т.е. в качестве «самодостаточных определений» [2, с. 41–44] (18 случаев). Обратимся к материалам Киевского свода 1198 г.

Начнем со второй группы слов, как их объединил А. В. Лаушкин. Включив в эту группу 23 случая, автор сразу выделяет из нее 3 случая (стб. 565–566, 607–608 и 610–611), на примере которых доказывает, что «хрестянам» противопоставляются «уже» (автор сравнивает эти случаи с текстом ПВЛ) «не только язычники-половцы» «но и мусульмане-булгары (2 случая в одном известии), а также (косвенно) языческие племена, докучающие Новгороду» [2, с. 38].

Прежде всего, скажем, что совершенно непонятно, почему А. В. Лаушкин в летописном рассказе о походе сына Андрея Боголюбского Мстислава Андреевича и его союзников муромского и рязанского князей «на Болгары» в «непогодье» зимой 1173 г. увидел два случая противопоставления мусульман-болгаров христианам (= русским). Летописец пишет,

что этот зимний поход был «нелюбъ» «всимв людемъ». К тому же Мстислав участвовал в этом походе с малой дружиной. Тем не менее, русским князьям удалось «въѣхаша без вѣсти въ поганыи и възаша сель ꙗ самое городъ мужѣ исъѣкоша а жены и дѣти помаша» [1, стб. 565–566]. Летописец сообщает, что болгары не смогли догнать напавшего на их населенные пункты Мстислава Андреевича. И далее летописец объясняет причину успеха похода князей, и главное в этом объяснении это то, что русские, в отличие от поганых (т.е. язычников) болгар, были христианами. «Хр^стъныи покры рукою своею» Бѣ. Именно «Бѣ» «прославиша» «слышавше же наши» за то, что он «заступи» «хр^стъныи» «ѿ поганыхъ и стѣм Бѣа и хр^стъньскаи молитва» [1, стб. 565–566]. В тексте явно идет речь о конфессиональных преимуществах русских князей по сравнению с язычниками болгарами, а не об этнических различиях. Христианский Бог помогает христианам и в условиях зимней непогоды, и с малыми силами, заступает за них даже тогда, когда они ведут себя не по-христиански. Летописец не просто объясняет причины и результаты случившегося, но явно подчеркивает необходимость крещения для тех, кто еще не принял христианскую веру.

Не представляется удачным выражение А. В. Лаушкина о языческих племенах чуди, «докучающих Новгороду». В Киевском своде 1198 г. ни разу не говорится о нападении чуди на Новгородские земли и их жителей. И наоборот, достаточно часто сообщается о походах русских князей в земли чуди [1, стб. 294, 607–608]. К тому же в своем рассказе о новгородском князе Мстиславе Ростиславиче летописец постоянно называет участников походов не христианами, а новгородцами, подчеркивая их христианское вероисповедание, в отличие от поганых чуди, т.е. не христиан. Достаточно отметить сожаление новгородцев о смерти Мстислава. Отметив, что новгородский князь Мстислав был похоронен по христианским обрядам епископом Ильей и игуменами, летописец записал: «...и плакаса по немь вса земля Новѣгородьскаи наипаче же плахаоуса по немь лѣпшии моужи Новѣгородьстѣи» «и тако молвахоу плачущеса оуже не можемь г^с не поѣхати с тобою на иноую землю поганы^х и поработити во ѿбласть Новѣгородьскоую» [1, стб. 610]. Если учесть, как отмечалось выше, что Мстислав строил мирские церкви в земли чуди, то можно сказать, что речь в данном случае идет не о противопоставлении поганых чуди новгородцам (русским), а о христианизации соседних с Новгородской землей земли чуди. Летописец в некрологе Мстиславу Ростиславичу пишет о том, что Мстислав всегда «бо тоснашетъса оумрети за Роускоюю землю и за хр^стъныи егда бо видаше х^стъныи полонены ѿ

поганы^х» и всегда говорил «аще нынѣ оумремъ за хр^стъныи то ѿчистивса грѣховъ свои^х» [1, стб. 611]. Из приведенной цитаты видно, что летописец оправдывает нехристианские действия князя и новгородцев по отношению к поганым (язычникам), в данном случае по отношению к чуди, так как они были направлены на присоединение захваченных земель к Новгородской земле, т.е. по большому счету к Русской земле, и на обращение чуди в христианскую веру.

Далее автор относит к данной группе слова, в которых половцы «определяются как «врази» «правовернымъ крестьянъмъ» и не «единемъ крестьяномъ, но и самому Богу» под 1178 (6686) г.» [2, с. 39], а также под 1152 (6660), 1170 (6678), 1172 (6680), 1173 (6681), 1174 (6682), 1177 (6685), 1178 (6686), 1180 (6688), 1183 (6691), 1185 (6693) и 1196 (6704) гг. [2, с. 39–40]. Заканчивает рассмотрение этой группы слов А. В. Лаушкин на примере «Противопоставления русских их соседям» «не в рамках оппозиции «мы»/«наши» – «враги», а при упоминании нехристиан, состоящих в подданстве у русских князей или союзничающих с ними» под 1146 (6654), 1149 (6657), 1151 (6659), 1194 (6702) гг. [2, с. 40–41]. Анализируя рассуждения А. В. Лаушкина вокруг названных текстов, позволим себе посмотреть на них в хронологической последовательности.

Словосочетания «хр^стъныи и поганыи» в материалах Киевского свода 1198 г. встречаются 5 раз. Первый раз эта фраза дана в записи под 1146/47 (6654) г., где говорится о том, что переяславский князь Изяслав Мстиславич принял решение бороться за киевский стол с Игорем Ольговичем и поехал «в борзѣ» «къ Дерновоумоу», где собрались «на поли и хр^стъныи и поганыи и ре^ч имь бра^те». Со своей стороны собравшиеся на встречу с Изяславом («тоу скоупишаса») «вси Клобоуци и Поршане», белгородцы, васильевцы, «ѿ кимнѣ моужи» «рекоша емоу ты нашъ кнѣзь а ѿлговичъ не хочемъ» [1, стб. 323]. Если бы на поле собрались противники князя Изяслава, вряд ли бы он обратился к ним словом «бра^те». Летопись в данном случае зафиксировала реальное конфессиональное состояние народонаселения Русской земли в 40-е гг. XII в. Здесь в это время проживали как христиане, так и нехристиане, которых, по всей видимости, было немало. Другими словами, здесь подчеркнута не этническое происхождение собравшихся, а их разное социально-конфессиональное состояние.

Во втором и третьем случаях, записанных под 1149/50 (6657) г., представлена беседа киевского князя Изяслава Мстиславича со старшим сыном Юрия Суздальского Ростиславом. Изяслав велел Ростиславу вернуться к отцу в Суздаль, так как узнал о его коварном поведении по отношению к себе. На-

ходясь на службе у Изяслава, Ростислав молил Бога о помощи Юрию Суздальскому в его борьбе с Изяславом. Ростислав стал оправдываться, убеждая киевского князя в том, что на него наговорили «моужь ли которьи в хр^стъмны^х или в поганыхъ». «Изяславъ же ре^с емоу того на мнѣ не проси хота ма заворожити съ хр^стъмными или с погаными а ны^т» «пойди къ своемуу ѿцю» [1, стб. 373]. И снова мы видим, что летописец подчеркивает мысль о том, что в социально-конфессиональном плане в Русской земле в 40-е гг. XII в. проживали как принявшие христианство, так и некрестившиеся. Но они, несмотря на явные среди них этнические различия, одинаково несли службу киевскому князю и одинаково назывались мужами князя.

В четвертом случае, записанном в Киевском своде 1198 г. под 1151/52 (6659) г., Вячеслав Владимирович призывает Изяслава Мстиславича совместно выстраивать равные отношения с народонаселением Русской земли, независимо от их конфессиональной принадлежности. Летописец передал прямую речь князя Вячеслава к Изяславу: «...снѹ тобѣ молвлю а есмь оуже старѣ а вси^х радов не могу оуже радити но будевѣ ѿба Киевѣ аче на будевѣ которьи радѣ или хр^стъмны^х или поганыхъ» [1, стб. 419]. Речь снова идет о принявших крещение и некрестившихся жителях Русской земли. Более того, в рассказе под 1154 (6662) г. Вячеслав учит ставшего киевским князем после Изяслава Ростислава Мстиславича «рады радити» «иже бра^т твой держаль и радиль тако же и тобѣ» [1, стб. 470], т.е. одинаково ровно как с принявшими крещение, так и с оставшимися пока в язычестве. В пятом случае, относящемся к концу XII в., именно к 1194/95 (6702) г., летописец записал о радости всех жителей Руси по поводу вступления на киевский стол Рюрика Ростиславича: «...и ѿбродова са вса Роускаи земли ѿ кнѣженъ Рюриковѣ Кынѣ и хр^стіане и погани зане всихъ приимаше с любовью и хр^стіаньа и поганым и не ѿтгонаше нико^г же» [1, стб. 681].

К такому же пониманию следует отнести и записанный сводчиком ИЛ рассказ под 1146/47 (6654) г. о перестрелке стрелков Владимира и Изяслава Давыдовичей и стрелков Мстислава Изяславича с мужами Святослава Ольговича у Новгорода Северского. Перестрелка велась до вечера. Были убиты мужи Святослава Ольговича, судя по именам христиане – Дмитр Жирославич и Андрей Лазоревич. Со стороны Давыдовичей и Изяславича стреляли «стрѣлцы» «и хр^стъмным и Берендѣм» [1, стб. 331]. В понимании А. В. Лаушкина летописец в данном случае противопоставляет христиан берендеям в этническом смысле, т.е. русских берендеям. Заметим, что летописец не раскрывает внутреннего содержания слова «христиане».

Но в других случаях он русских стрельцов называет русскими стрельцами, а стрельцов Черных Клобуков Черными Клобуками. Так, под 1151 (6659) г. летописец записал: «...и пустиша по ни^х стрѣлцѣ свои Черным Клобуки и Русь» и под 1190 (6698) г.: «... стрѣлци же Рускыи и Чернии Клобуки» [1, стб. 436, 672]. В статье под 1150 (6658) г. летописец называет «погаными» Черных Клобуков: «...погани же видивше силу велику Володимерю и оубошша^т а Изяславъ бѣ оу малѣ» «и начаша Чернии Клобуци молвити Изяславу кѣже сила его велика а оу тебе мало дружны» «не погуби на^т ни самѣ не погыни» [1, стб. 401]. А. В. Лаушкин не замечает случаи, когда составитель Киевского свода 1198 г. подчеркивает этническую разницу среди представителей народонаселения Русской земли в XII в., а когда конфессиональную.

С конца 60-х – начала 70-х гг. XII в. в материалах Киевского свода 1198 г. появляется иное понимание фразы по формуле «хр^стъмным и поганым». Если во всех рассмотренных выше примерах поганые – это те же жители Русской земли, но не принявшие еще христианскую веру, то теперь это половцы, вплотную прикочевывавшие к Руси и постоянно совершающие грабительские набеги в ее пределы. Речь идет о христианах «плѣнаемы по вса днѣ ѿ поганыхъ» [1, стб. 623]. Первый раз о христианах, отполоненных у половцев, летописец записал под 1152 (6660) г. Сын Изяслава Мстиславича Мстислав сообщал своему отцу о своей победе над половцами на реках «Оуглѣ и на Самарѣ», в результате которой он «полонь много взалѣ самѣхъ прогна вежѣ и^х поима конѣ ихъ и скоты и^х зам и множество днѣ кр^стъмныхъ ѿполони» «хвалаче Ба ѿ таковѣ помочи» [1, стб. 460]. Начиная с 70-х гг., подобные записи попадают в материалы Киевского свода 1198 г. часто [1, стб. 540, 559, 569, 605, 611, 648 и др.]. В этих случаях христиане и поганые не вместе, они враждебны друг другу и как сильно отличающиеся друг от друга этносы, и как носители разных вер. Утверждать, что в их противопоставлении звучит больше этническое противостояние русских половцам, вряд ли правильно.

А. В. Лаушкин рассматривает упоминания словосочетаний о пролитии «хрестьянской» крови, о нежелании «губити Русской земли», о мирных переговорах между русскими князьями «Руских деля земель и хрестьян деля», о необходимости «хрестьян блюсти», употребляемых летописцем в Киевском своде 1198 г., как примеры тому, что «тут уже налицо то сформировавшееся культурное "ощущение", из суммы которых и вырастает, в конечном счете, этническое самосознание. Христианская вера осознается как важнейший атрибут обитателей Руси, делающий недопустимым пролитие их крови» [2, с. 43–44]. Эти словосочетания автор выделяет в самостоятельную третью

группу. Обратимся к материалам Киевского свода 1198 г.

После нескольких лет борьбы между киевским князем Изяславом Мстиславичем с его союзниками и черниговским князем Святославом Ольговичем с его союзниками, враждующие стороны решили примириться. События относятся к 1148/49 (6656) г. Инициатива исходила со стороны черниговских князей. Смоленский князь Ростислав Мстиславич призывает своего брата Изяслава, обратившегося за советом, примириться с Ольговичами. От имени Ростислава смоленского летописец сообщает: «Ростиславъ же то ѿвѣща брато своему Изаславоу» «ныѣ же браѣ хрѣтъянь дѣла и всеѣ Роуской земли оумириса». Договорились: «...про Игоря ворожды не имѣти» «Роуским дѣла землѣ и хрѣтъянь дѣла» [1, стб. 365–366]. Но русским князьям не всегда удавалось договориться. Так, обидевшийся на Изяслава Мстиславича за изгнанного из Руси сына Ростислава Юрий Суздальский обратился в 1149/50 (6657) г. к киевскому князю: «...брате и сѣноу Роуския дѣла земля и хрѣтъянь дѣла не пролѣвие крови хрѣтъяньскы» [1, стб. 380]. Условия, на основании которых Юрий предложил заключить мир, не удовлетворили Изяслава, и братоубийственная борьба продолжалась.

Примирить враждующих Мстиславичей с одной стороны и Владимировичей и Ольговичей с другой стороны пытался венгерский король. Он объяснял Юрию Суздальскому, что христиане не должны враждовать между собой: «...мы есмы по Бозѣ все хрѣтіане ѿдна брати собѣ а намъ подобаетъ всимъ быти съ себе а мы межи вами того хочемъ а бы Бѣ даль вы быста оуладилася» [1, стб. 387]. Ясно, что, несмотря на то, что русских князей пытался примирить венгерский король, речь шла о христианской вере, о христианском Боге, в которого веровали все христиане, несмотря на этнические различия.

Примирить враждующих пытался сын Юрия Суздальского Андрей Юрьевич: «Андрѣви же Бѣ вложи въ срѣце сущю бо ему млѣству на свои родъ паче же на хрѣтіаны и нача молитиса ѿцю гла не слоушаи ѿрославича Дюрга примири сѣновца к собѣ не губи ѿцины своею» [1, стб. 392]. Вячеслав Владимирович не раз пытался примирить Юрия Суздальского с Изяславом и Ростиславом Мстиславичами «Руския дѣла земля и хрѣтъянь дѣла», ради не пролития «крови хрѣтъяньскы». Он ставил им себя в пример: «...а полкы имѣю а силу имѣю и Бѣ ми даль но изъ Рѣскимъ дѣла земли и хрѣтъ дѣла того всего не поманоуль» [1, стб. 429–431].

Постепенно Мстиславичи и Ольговичи начинали осознавать губительные последствия междоусобиц и свою роль в их предотвращении. Под 1151/52 (6659) г. летописец записал: «Изаславъ же хрѣтіанскы оучини

приа брата своа и оѣцину има оузороти а свою к собѣ приа». В 1155/56 (6663) г. Святослав Ольгович уступил Чернигов Изяславу Давыдовичу «хрѣтъянь дѣла дѣшъ а бышь не погинули». В 1158/59 (6667) г. Святослав Ольгович в своей молитве Господу Богу подчеркивал свое смиренное поведение в разных жизненных ситуациях, «не хота крови пролити хрѣтъяньски и ѿцины своею погубити» [1, стб. 444, 478, 500]. Рюрик Ростиславич, желая жить в братолюбии и особенно «хрѣтъянь дѣла», в 1181/82 (6688) г. уступил Киев черниговскому князю Святославу Всеволодовичу [1, стб. 623]. Вышеприведенные примеры говорят о том, что опытные и наиболее известные русские князья уже в 50-е гг. XII в. понимали необходимость преодоления братоубийственной борьбы, развернувшейся в Русской земле. Опираясь на понятия молитвенного благочестия, они пытались доказать это на примерах собственного, по словам летописца, христианского поведения («хрѣтіанскы оучини»).

Подчеркивая мысль о том, что междоусобицы приводят к гибели христиан и пролитию крови христианской, а с этим тесно увязывалось понятие о гибели своей отчины и дедины, летописец не привел ни одного конкретного примера ко времени 20 – 60-х гг. XII в. Два ярких примера в материалах Киевского свода 1198 г. записаны сводчиком под 1169/70 (6679) г. и под 1185/86 (6693) г. [1, стб. 545, 643]. В первом случае летописец подробно рассказал о взятии Киева Мстиславом Андреевичем и изгнании из него Мстислава Изяславича. Разгром был полный, «помилованиа никомѣже ни ѿкъдѣже црквамъ горашимъ хрѣтіаномъ оубиваемомъ другыѣмъ важемымъ». Во втором случае летописец записал своего рода исповедь новгород-северского князя Игоря Святославича перед Господом Богом о том, как он взял на щит г. Глебов у Переяславля и не пощадил «хрѣтъянь» и много зла «подъша безвиннии хрѣтъяни». И в первом, и во втором случае гибель христиан сводчик ИЛ объясняет словами «за грехи наши».

Случившуюся гибель христиан Киева и Глебова в Киевском своде 1198 г. можно сравнить с гибелью христиан от половцев, которых привел в 1179/80 (6686) г. в Русскую землю «Кончакъ злоу началникъ правовѣрнымъ хрѣтіаномъ». Как и молодые русские князья Мстислав и Игорь, Кончак много зла «створи» христианам – одних пленил, других убил, среди которых было много младенцев.

Но причину гибели христиан во время междоусобиц и от половцев сводчик ИЛ объясняет по-разному. Русские князья, убивающие своих же христиан, попадают в сети «многолукаваго дьявола иже воюеть на хрѣтіаны», «искони же вселукавыи дьяволь не хотаи добра всакому хрѣтъяну и любви межи

бра^ѣю», «си бо вса быша ѿ дьвола на ны иже всѣвае въ ср^ѣце наше хвалу и гордость», «всекозненны же дьволъ не хота любви межю братьею», «лоукавыи бо пронырливыи дьволъ» «не хотаи добра межю бра^ѣю» «хотаи приложити зло къ злоу» [1, стб. 324, 328, 332, 541, 574 и др.]. Кончак, приведший половцев на Русь, сам называется дьяволом («сотонины^м именемъ») [1, стб. 541, 574, 612]. Что касается пострадавших христиан, то и в первом, и во втором случае они были наказаны Господом Богом за свои грехи. Но в первом случае есть мотивы оправдания нехристианского поведения русских князей. Виноват дьявол. В связи с этим интересной представляется запись в Киевском своде 1198 г. под 1170/71 (6681) г. о заступничестве св. Богородицы за новгородцев, которых летописец называет христианами в смысле их веры, а не этноса. Господь Бог в наказание новгородцев за их грехи «въ великое говение» навел на них сильный мор. Летописец пишет о том, что Богородица просила Бога наказать новгородцев, но не предавать их смерти («избави мило^ѣтью своею зане хр^ѣтънѣ суть пишеть бо гла Двѣдъ наказа накази ма рече Гси смрти не предаи мене») [1, стб. 560–561]. Летописец подтверждает заступничество Богородицы словами из Псалтири [4, с. 625]. Во втором случае оправдания половцам нет как представителям иной, враждебной христианам конфессии, а не иного этноса. Половцы – слуги сатаны.

Главная идея всех упоминаний в Киевском своде 1198 г. о христианах и поганых во множественном числе сохранить достижения христианизации Русской земли, начавшейся со времени «пращюра великаго Володимира хр^ѣтившаго всю землю Рускоюю» [1, стб. 383], не дать вернуться народонаселению Руси в языческое прошлое, которое в XII в., в условиях распада территории и власти, неустойчивости церковной иерархии, чрезвычайной этнической смешанности древнерусского народонаселения могло вернуть Русь к дохристианским временам. Археологические исследования погребений на территории бывшей Русской земли XI–XIII вв, проведенные учеными в последние десятилетия, подтверждают данный вывод. Опираясь на конкретные археологические источники, С. А. Плетнева подчеркивает устойчивый характер языческих мировоззрений на Руси во всех слоях общества в XII в., в том числе среди русских князей. Исследовательница пишет буквально следующее: «Попадая в окружение язычников, даже русские князья, судя по Таганче, легко вновь обращались к язычеству, и поэтому черноклобуцкие соратники (а возможно, и жены?) хоронили их в соответствии со своим языческим мировоззрением» [5, с. 97–98].

Летописец не говорит о том, что русские князья боялись оязычивания русских христиан в окружении

некрещеных этносов. Он обеспокоен возможным истреблением христиан, проживающих на территории Русской земли. Киевский свод 1198 г. начиная с 40-х гг. и до конца столетия буквально пронизан идеей спасения христиан Русской земли от их физической гибели и от пролития крови христианской. Носителями этих идей в материалах Киевского свода 1198 г. являются в первую очередь Владимировичи и Мстиславичи, а также Ольговичи.

А. В. Лаушкин считает, что Киевский свод 1198 г. не знает этнонима «русские», и на этом основании приходит к выводу о том, что начало отождествления понятий «христиане» и «крестьяне» в Русской земле следует искать задолго до Батыева погрома. Ссылаясь на показания «Слова о погибели Руския земли», он утверждает, что автор «Слова» (XIII в.) «уже уверенно использует для обозначения обитателей “земли Руской”, раскинувшейся от половецких степей до Белого моря, такие собирательные понятия, как “крестияньский языкъ” и “крестияне”». Причем другого единого наименования для всех жителей Руси он не знает или сознательно избегает, тогда как для обозначения соседних народов (в том числе и христианских) использует четкие этнические определения («угры», «чахи», «ятвяги», «литва», «немцы», «корела», «морьдва», «половцы» и др.) [2, с. 31].

А. В. Лаушкин не замечает, что в Киевском своде 1198 г. по ИЛ постоянно встречаются понятия «Руская земля», «Русь», «вса земля Роускаа» и «Роусь», «мужь Руский», «кнзѣ Рускиѣ», «Русские вои», «полкы Роускъѣ», «воеводы Роускъи», «множество Роускихъ польковъ», «передь Роусью бегать», «поскочиша Роусь», «грады Роускъѣ», в которых живут новгородцы, черниговцы, киевляне, логожане, галичане, владимирцы, полочане и многие другие. Летописец пишет, что половцы жили в степи, в «Половецких вежах». Иногда летописец локализует их территорию бассейном Дуная или Волги. «Лаховѣ» живут в «Лядской земле» [1, стб. 318]. «Роусь» живет в «Роускою» земле. Летописец всегда четко различал лица разных этносов. Например, под 1145 (6653) г. летописец записал о том, что муж лядского князя Владислава Петрок «иде в Роусь», а под 1195 (6703) г. составитель Киевского свода записал: «...оударшася Лаховѣ с Роусью и потопташа Лаховѣ Роусь» «и избиша в полкуо его Роуси много» [1, стб. 687]. Под Русью в XII в. современники понимали и территорию, на которой жили русские, и русских, которые жили на этой территории. Так, под 1151 (6659) г. читаем в Киевском своде 1198 г.: «...и покрыша Днѣпръ ѿ множества вои а Русь переѣхаша в лодыяхъ», под 1152 (6660) г. киевский князь Изяслав сказал: «...дружинѣ своєї бра^ѣ а дружино Бѣ всегда Рускы землѣ и Руски^ѣ снѣ въ въ бещестыи не положишь есть», под 1185 (6693): «...братьи и снѣвъ и моужѣ землѣ

Роускоѣ». Под 1170 (6678) г. летописец рассказывает о походе против половцев «кнзи Русьстии» и «Рускихъ воевъ» защищать «Руской земли» [1, стб. 538–540]. Под 6691 (1184/85) г. летописец пишет: «Половцы же побѣгоша Бжѣимь повеленьемъ и Роусь погнаша ѣ и тоу побѣдиша ѣ и возвратишася во свомси» [1, стб. 633]. Летописец постоянно пользуется понятиями «русь» («русь потопташа половци; половци же бегающе передь (полкомъ) Роусью потопташа мнозѣ»), «русские воеводы», «поможе Бог Руси», «князь Роускийѣ», половцы «побѣдиша полкы Роуськѣѣ» [1, стб. 603, 622, 623, 648]. Слова «Роусь», «Роуськая земля» в разных ситуациях в тексте Киевского свода 1198 г. встречаются более 120 раз [1, стб. 305, 307–308, 319, 328–329, 335, 371–372, 383, 405, 417, 421, 422, 425, 436, 448, 452–454, 462–463, 470, 478, 497, 539, 541, 573, 603, 611–612, 615, 623, 626, 628, 632, 634, 644–645, 664, 687, 704, 713 и мн. др.].

Выводы. Нельзя ставить и изучать научную проблему на основании терминов вне сравнительно-текстологического исследования текста источника, в данном случае Киевского свода 1198 г., где эти термины употребляются.

Текстологический анализ упоминаний о христианах и поганах в Киевском своде 1198 г. показы-

вает, что они не имеют этнического содержания, а являются обозначением конфессионального состояния народонаселения Русской земли в XII в. и их соседей.

Главной идеей упоминаний о христианах в Киевском своде 1198 г. является забота о сохранении достижений христианизации Русской земли, начавшейся при Владимире Святославиче, и о предотвращении физической гибели христиан.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ипатьевская летопись // ПСРЛ. – 2-е изд. – СПб. : Тип. М. А. Александрова, 1908. – Т. 2.
2. Лаушкин А. В. К вопросу о развитии этнического самосознания древнерусской народности («хрестеяни» и «хрестьяньскыи» в памятниках летописания XI–XIII вв.) / А. В. Лаушкин // Средневековая Русь : к 75-летию академика Леонида Васильевича Милова. – М. : ИНДРИК, 2006. – № 6. – С. 29–65.
3. Полный церковно-славянский словарь : со внесением въ него важнѣйших древне-русскихъ словъ и выражений / сост. Г. Дьяченко. – М. : Отчий дом, 2010.
4. Псалтирь // Библия : книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. – М., 1991.
5. Плетнева С. А. Половцы / С. А. Плетнева. – М. : Ломоносовъ, 2010.

Воронежский государственный университет

*Панова В. И., кандидат исторических наук, доцент
кафедры истории России
E-mail: history@mail.ru
Тел.: 8(473) 224-75-14*

Voronezh State University

*Panova V. I., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Russian History Department
E-mail: history@mail.ru
Tel.: 8(473) 224-75-14*